

Ник
ПЕРУМОВ

ТЫСЯЧА ЛЕТ ХРОФТА
Книга первая
БОРГИЛЬДОВА БИТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Ник Перумов
Боргильдова битва
Серия «Тысяча лет Хрофта», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5809932
Перумов Н. Тысяча лет Хрофта. Кн. 1. Боргильдова битва : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64378-3

Аннотация

Переплет из гномьей стали, обтянутый драконьей кожей. Страницы – иногда из тонко выделанного пергамента, иногда – из бересты, а то и из листового золота. Угловатые рубленые руны, порой аккуратно выведенные, порой набросанные наспех. На переплёте дощечка с выжженной черной руной Феах. Она означает рождение и смерть, начало и конец...

Эта книга написана Старым Хрофтом. В ней он рассказал о явлении Молодых Богов в мир, о Боргильдовой битве, о борьбе с новыми хозяевами Упорядоченного, об истинной роли, которую он, тысячелетний старец и великий бог Один, сыграл в этой борьбе...

Впрочем, кто сказал, что все было именно так, как написано?..

Содержание

Вступление: книга, как она есть	4
Пролог	6
Часть первая	14
I	14
II	26
III	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ник Перумов

Тысяча лет Хрофта. Кн. 1. Боргильдова битва

Вступление: книга, как она есть

Переплёт из гномьей стали, обтянутый драконьей кожей. Страницы тонковыделанного дорогого пергамента. Угловатые рубленые руны, порой выведенные с преувеличенной аккуратностью, порой – набросанные в явной спешке, чуть ли не лихорадочно. Иногда к аристократически-блёкло-желтоватым страницам суровой нитью, а то и кожаным шнурком, пришиты-притянуты отдельные листы. Иные тоже на пергаменте, другие – на грубой коже, третьи – на бересте, четвёртые – на чёрном железе гномов, а пятые и вовсе на мягких золотых пластинках.

Снаружи, на переплёте, прикреплена небольшая дощечка с выжженной на ней чёрной руной Феах.

Начальная руна, первая и последняя. Рождение и смерть, начало и конец. Вечное движение.

Больше нет ничего, ни названия, ни имени написавшего.

Но, если поднять тяжёлую крышку...

Аккуратные и ровные строчки элегантных символов, похожих на стаю вспорхнувших птиц. Рука Хедина, Познавшего Тьму, он частенько по привычке пишет на языке Истинных Магов, используя их алфавит.

Рукопись эта попала мне в руки довольно давно, в одну из немногих мирных передышек, случившихся у нас, когда на время удалось отбиться и от козлоногих, и от иных, не столь значимых. Старый Хрофт, вообще-то не баловавший нас своим обществом, вдруг появился в Обетованном, заявив, что нуждается «в одиночестве» и «завернул попрощаться». Я удивился, но вопросов задавать не стал. В конце концов, Отец Дружин имел право на... известные причуды. Далеко не все смогут пережить то, что выпало на его долю, и остаться в здравом уме.

На прощание бывший Владыка Асгарда протянул мне эту книгу. Молча сунул в руки, повернулся и вышел, тяжело шагая. Я помню это точно и очень хорошо – сапоги Старого Хрофта, казалось, грохотали по всему Обетованному.

Он хотел, чтобы я прочитал это. Почему, не знаю – да и не хочу спрашивать. С Древними Богами зачастую бывает лучше лишь молча кивнуть или пожать руку. Или хлопнуть по плечу, или опрокинуть кружку-другую доброго эля. Слова – они ведь куда моложе. Особенно слова изошрённые.

Нельзя сказать, что Старый Хрофт вручил мне свои вполне законченные и упорядоченные «воспоминания». Это скорее набор отрывков, зачастую бессвязных, перемежающихся порой скальдическим стихом. Нет, разумеется, история тут изложена, и притом, на мой взгляд, небезлюбопытная. Особенно в той части, что касается «молодого мага Хедина».

Кое-что в книге (особенно вставки) написано явно не Отцом Дружин. Но, видать, он счёл изложенное годным и соответствующим. И потому я тоже взял на себя известный труд кое-где дополнить повествование своими собственными комментариями. Отец Дружин не накладывал на меня никаких обязательств, и, быть может, некоторым из моих подмастерьев – добровольных помощников будет полезно прочесть его рассказы.

А говорит он обо всём, причём большей частью говорит о себе в третьем лице, так, словно описывает всё с точки зрения стороннего наблюдателя. Вдобавок, этого наблюдателя он допускает в достаточно, гм, личные события.

Пусть же читатель сам судит о том, «как оно всё случилось на самом деле». Наверное, именно за это мы и сражались вместе с Ракотом – чтобы каждый смог бы судить сам. И сам выбрал бы свою правду.

Но, выбрав, – отвечал бы за свой выбор.

А теперь начнём.

Пролог

(На чистом и тонком листе пергамента, рунической строкой. Все заглавные буквы любовно вырисованы. Старый Хрофт явно потратил немало времени на одно лишь украшение этого отрывка.)

Как звать тебя, как имя твоё? – Хейд, отвечаешь ты.

Неверно, грохочет вокруг. Гульвейг прозываешься ты, «сила золота», и ты исполнишь предначертанное.

Кем предначертанное? – шепчешь ты. Вражья сила мнёт и давит, намертво впечатывая в душу чужое, тёмное, страшное.

Мною!

Кем?

Дерзаешь спорить? Что ж, это хорошо. Я люблю дерзких и сильных. Ступай и исполни свой долг.

Долг? Какой долг? Я никому и ничего не должна!

Страх сменяется злым упрямством. Я никому и ничего не должна! И я больше не боюсь.

Неразумная! – вокруг всё тонет в потоках сметающей всё мощи. Низкий бас заполняет весь мир, нет ничего, лишь он. Он и его сила. Как ему противиться? Не устоит ничто, даже крепчайший камень. – Так как зовут тебя?!

Я... я Гульвейг.

Превосходно. Что ты должна сделать?

Ты... скажешь мне, всемогущий?

Не именуй меня чужими именами, я не всемогущ. Ибо тогда не говорил бы с тобой. И я не скажу тебе большего. Имя твоё подскажет тебе.

Имя моё? Моё новое имя?

Да. Твоё новое имя. А теперь открой глаза и иди!

Кажется, дыбом встают и небо, и земля, и море. Ты распростёрта на голом камне, холодные брызги секут щёку. Тёплая волна расплескалась по плечам, их так много, что они укрывают, подобно плащу, всё тело. Больше на тебе никакой одежды.

Встань и иди, Гульвейг. Ибо награда твоя будет больше, чем ты способна вообразить. Неуязвима и бессмертна станешь ты, ибо без тебя... впрочем, моей Гульвейг это уже не касается.

О чём всё это?

Откуда я? Кто я? *Что я?*

Вопросы падают в гулкую тёмную бездну, словно пустое ведро в сухой колодец.

Ты смотришь на собственные руки – пальцы унижены невесть откуда взявшимися перстнями. Золото ярко лучится, оно словно пылает изнутри колдовским завораживающим огнём.

Я Гульвейг. Я сила злата. Я иду в мир. И наградой мне станет всё.

(комментарий Хедина, аккуратным мелким почерком, внизу страницы:

Гульвейг. Да, доводилось слышать, доводилось. Загадочная и таинственная, невесть откуда взявшаяся, сказочная прародительница всех ведьм мира, мать женского колдовства. Тайное притягивает, и Отец Дружин тут не исключение. Весь отрывок – явное подражание кому-то из скальдов его времени, хотя отсутствуют необходимые аллитерации и не соблюдается ритм. Но Гульвейг... красивая сказка. Конечно, тут же возникает соблазн

спросить, а кто же этот загадочный собеседник, отдающий девушке по имени Хейд приказы, которым она не смеет не повиноваться? ... Старый Хрофт не оставил никаких своих догадок, хотя понять, кого он подозревал, нетрудно.)

* * *

Далёк от бед и тревог Митгарда прекрасный Ванахейм. Мягки его потоки, теплы небеса, ласковые ветры веют в нём, и обитатели его наслаждаются изобилием всех богатств земных. Радость ванам возделывать пашню и пожинать плоды своего труда. Сильна их первородная магия, часто ночами говорят они с Лунным Зверем, вбирая его мудрость. Здесь нет зла, никто не возьмёт чужого и не покусится на женскую честь. Ваны живут своим умом, беды и тревоги далёкого Хьёрварда мало заботят их. У них длится век блаженства под молодым солнцем, и кажется, что так будет всегда.

Кое-кто из ванов с неодобрением посматривает на могучую крепость Асгард, вознёсшуюся на равнинах Иды, на сверкающую золотыми щитами крышу Валгаллы, на грозного Отца Дружин и его старшего сына, Тора. Могучий Один только что заимел Гунгнир, не знающее промаха копьё, и Лунный Зверь лишь сузил очи, когда ваны обратились к нему с молением дать совет, что им теперь делать и делать ли что-то вообще.

Ванам не нужны крепости. Зачем они появились? Для чего воевать, когда лучше пировать? И состязаться в том, чей мёд хмельнее и крепче?

Конечно, они слыхали о горных и инеистых великанах, что живут в далёком и суровом Ётунхейме. Ну и пусть себе живут, нам нет до этого дела; и богу Одину не должно быть тоже, на его дом ведь никто не нападает! А что там будет на Срединной Земле, в Большом Хьёрварде – какая нам разница? Будут жить там, скажем, великаны вместо людей или люди вместо великанов – Ванахейм останется как был. Чужого нам не надо, но за своё мы постоим.

Границы страны ванов охраняет магия. Стража им не нужна.

Прекрасная девушка, окутанная облаком золотых волос, ниспадающих до самых пят, возникает из ниоткуда. Босая, она словно скользит над землёй, не касаясь её ступнями. Лицо её прекрасно и совершенно, кожа цвета слоновой кости. Миндалевидные глаза смотрят кротко и чуть лукаво.

Жилища ванов во многом сходны с обиталищами светлых эльфов: живой камень, растущие кусты и деревья, сплётшиеся ветки, текучая вода. Вокруг поселений ванов нет угрюмых стен и башен, глубоких рвов и подъёмных мостов со ржавыми цепями. Никто не остановил золотоволосую странницу – однако вода в каменных чашах, спокойно журчавшая доселе, вдруг забурилась и вспенилась. Тревожно защebetали, захлопали крыльями певчие птицы, по колосьям словно пронёсся порыв ветра.

Ваны один за другим оставляли обычные дела, покидая жилища, молча следуя за неизвестной. Она остановилась, подняла руку, словно желая говорить – но окружившие её все вместе, как один, повторили её жест, и тишину не нарушил даже шёпот ветра.

Золотоволосая незнакомка едва заметно сощурилась. Медленно и словно даже небрежно повела плечами, словно перед поединком.

Ньорд звали того из ванов, кто заговорил с явившейся. Был он мудр и смел и, в отличие от многих из своего племени, немало странствовал за пределами Ванахейма.

– Сила твоя велика, – сказал он, глядя прямо в глаза ей. – Велика и опасна, как может быть опасна молния. Но ваны не боятся чужого волшебства. Твоё – не от его прародителя, не от Лунного Зверя, что научил нас первым заклинаниям. Поэтому мы поступим с тобой так...

(Комментарий Хедина: повествование внезапно обрывается. Верно, Старому Хрофту попросту наскучило описывать благостный Ванахейм, с которым, вдобавок, у Отца Дру-

жизни связаны не самые приятные воспоминания. Гульвейг рисуется как явившаяся к ванам невеста откуда, чью силу с могуществом они сразу же и ощутили. Однако тогда непонятно, почему же добрые и миролюбивые ваны сделали то, что они сделали?..)

* * *

Ярко пылает радужный мост, дорога от земель смертных до Асгарда. Золотоволосая девушка приближается к нему, приветственно машет недремлющему Хеймдаллю, и суровый Сын Девяти Матерей невольно улыбается в ответ. Она так хороша собой, и совсем не похожа на великаншу; но она и не из рода людей или эльфов. Стражу интересно.

– Могу ли я подняться? – вежливо и даже робко спрашивает девушка.

Пламень Бифреста сожжёт любого, кто незваным попытается проникнуть по нему в Асгард. Хеймдалль пристально смотрит на незнакомку.

– Тебе придётся пройти сквозь огонь, – наконец произносит он.

– Огонь не страшит меня, – улыбается девушка, откидывая со лба золотые волосы. – Так ты позволяешь, могучий Хеймдалль?

– Иди, – кратко отвечает он. – Ты предупреждена.

Страница осторожно вступает на мост, и Мудрый Ас кладёт руку на меч – он чувствует ярость пламени, алчущего испепелить шагнувшую на него, но отчего-то неспособного сделать это.

– Каждый, если он не великан, может вступить в Асгард, если ему удалось преодолеть Бифрест, – замечает Хеймдалль, когда неизвестная добирается до самого верха. – Отец Богов узнает о тебе.

– Ни о чём большем я и не прошу, – улыбается незнакомка.

– Какое имя назвать Владыке Гунгнира?

– Гульвейг. Просто Гульвейг.

– Имя это очень подходит к твоим волосам, – замечает Хеймдалль. – Входи в Асгард и будь гостьей. Но не злоупотребь нашим гостеприимством!

– Я всего лишь пришла поклониться хозяину Асгарда.

Сын Девяти Матерей молча кивает и распахивает тяжёлые ворота.

(Комментарий Хедина: итак, Гульвейг достигает Асгарда. Сразу становится ясно, что явилась не простая смертная. Непонятно, правда, отправилась ли она к асам по собственной воле или это приказание ванов. Последующие события, кстати, свидетельствуют в пользу именно того, что был отдан приказ, однако Старый Хрофт отчего-то не счёл нужным написать самое нужное; хотя, быть может, просто не знал.)

Отец Дружин добавил тут ещё стихотворную версию случившегося, однако в ней нет никаких новых деталей. Не думаю, что моим помощникам так уж нужно это читать, хотя запрещать ничего не стану.)

* * *

Весело пирует собрание асиний и асов. Не иссякает хмельной мёд, и Отец Богов поднимает заздравный рог с брагой. В бешеной пляске проходится хитроумный Локи, огонь в очаге взвивается к самому потолку, стараясь подражать своему повелителю. Браги читает вису за висой, сочиняя их на ходу. Лукаво и весело смотрит Фригг – Отец Дружин давно уже не заглядывается на других женщин. Даже мать Тора, богиня земли Йорд, уже не хмурит брови на Фригг, как на злую разлучницу.

Тор не большой мастер плясать, и потому его молодая жена Сиф подаёт руку Локи. Тот лихо прищёлкивает пальцами, плащ холодного пламени взмывает у него над плечами – и точно так же, распускаясь в танце, плывут разметавшиеся косы Сиф. Простодушный бог грома опрокидывает очередной рог и не видит, какими глазами Сиф смотрит на Локи...

(Комментарий Хедина: кто бы мог подумать. Если верно то, что рассказывал – поневоле скупо – о своём старшем сыне Отец Дружин, что я потом сам прочитал в обрывках уцелевших сказаний – нужно быть отчаянным сорвиголовой, чтобы наставлять рога Тору, хотя в те времена у него ещё и не было знаменитого Мьёлльнира. Впрочем, едва ли это имеет отношение к загадочной Гульвейг.)

Беззаботно веселятся асы, радостно танцуют асиньи. Ревёт пламя, не дерзая, однако, тронуть стропил под высокой крышей. Даже Один улыбается, глядя на пляску. Его брови хмурятся, когда он замечает невестку вместе с Локи, но, в конце концов, его старший способен постоять за себя.

Двери зала распахиваются.

Хеймдалль. Мудрый Ас не любит шумных и весёлых пиров, предпочитая им уединённые размышления на вершине Бифреста. Но сейчас изменил всегдашней привычке. А кто это с ним?

– Славьтесь, асы, и асиньи, славьтесь!..

Златовласая незнакомка, облачённая, кажется, в плащ из одних лишь собственных волос, словно всплывает следом за Хеймдаллем.

Невольно останавливаются пляшущие, даже неистовый Локи.

– Войди и сядь, гостя, – говорит Отец Дружин. –пей, если тебя мучает жажда, и ешь, если голодна. Мы рады всем, пересёкшим Бифрест. Кто ты, как твоё имя, из каких ты краёв?

– Из Ванахейма пришла я сюда, поведать о красоте и роскоши той земли, – нараспев произносит незнакомка. – О земле, где славят весёлое золото, радующее взоры. Но благодарю тебя, Отец Богов, за честь. Гульвейг имя моё, и трижды почётно мне воссесть за твой стол, могучий бог. Вновь скажу – славьтесь, асы, и асиньи, славьтесь! Хвала великому Одину, хвала прекрасной Фригг, хвала могучему Тору и мудрому Хеймдаллю, молчаливому Видару, храбрейшему Тюру, красноречивому Браги, прекрасному Бальдру, размышляющему Году, Слепому Асу, и, конечно, хитроумному Локи, хвала всем асам! Хвала Йорд и Сиф, хвала Идун и Эйр, хвала Лефн и Син, хвала Сйофн и Вар, хвала Фулле, Саге, Глин и Гне; хвала всем асиньям! Но красота их стала бы поистине божественной, познай они силу золота. Так, как познали её в Ванахейме.

Могущественно и величаво прекрасное золото! Мягок свет его и ласкает глаз. Когда возлагаю я на себя ожерелья из золота, то словно руки любимого ласкают меня. Много, много золота я жажду, ибо неисчислимы радующие меня вещи, что можно создать из него или выменять у других. Овладей золотом, могучий Один, и тогда ты сделаешься поистине всемогущим. Полюби его так, как люблю его я. Мне не мил белый свет без его блеска, пальцы мои ищут его, глаза мои нежит его цвет...

И долго ещё говорила так назвавшаяся Гульвейг, превознося золото и свою любовь к нему. Словно ничего больше в мире не существовало для неё, ни дружбы, ни мужества, ни храбрости или истинной любви между женой и мужем. И о детях не вспоминала, но лишь о золоте, заменившем в её словах всё остальное, что почитали дорогим собравшиеся асиньи с асами. Голос её оборачивался то висой, то даже и песней, и асы слушали заворожённо, точно явившаяся к ним была вельвой, видящей.

Однако Отец Дружин стукнул концом древка по полу и поднялся.

– Мы слушали твои речи, Гулльвейг, – рёк он, и в голосе его не осталось приязни. – Зачем слушать нам о власти прекрасного золота? В миру куда больше вещей, что лучше него. Зачем прославлять мёртвый металл? Чтобы смертные и бессмертные забыли свои настоящие пути, обратившись к погоне за жёлтым маревом?

Встала и Гулльвейг, окутанная облаком прекрасных волос; иные асиньи поглядывали на них с завистью, кроме разве что Сиф, довольной собственными белокурыми косами до самых пят.

(Комментарий Хедина: Старый Хрофт почти ничего не рассказывал о прежней жизни в Асгарде, до Боргильдовой битвы и падения Древних Богов. До моих дней, дней юности Поколения, когда мы жадно вбирали самые разные знания, дошли лишь разрозненные обрывки сказаний. Там упоминалось, что Сиф впоследствии получила от гномов иные волосы, из чистого золота, но как это случилось – предания умалчивали. Во всяком случае, история с Гулльвейг становилась всё интереснее. Неведомо откуда явившейся незнакомке, явно наделённой огромными силами – иначе она не пересекла бы огненный мост, – раскрывают двери в самое сердце крепости асов и приглашают на пир... воистину, то были куда более счастливые времена, когда гостю доверяли, и неложно.)

– Скучна жизнь, в которой нет красоты, – звонко ответила она. – Золото несёт её. Им украшают себя жёны и мужи, его берут с бою, в нём – доблесть воина. И это куда лучше, чем отрезанные головы или уши врагов, засушенные или сохранённые чарами. Разве не так, могучий Один?

– Нет нужды в споре с тобой, – сурово сказал Отец Дружин. – Однако вижу я, что подобная тебе может принести множество горя и зла. Люди и впрямь станут сражаться из-за золота, убивая собственных братьев и предавая сестёр...

– Разве не делают они это уже сейчас? Разве не сражаются они в войнах? Разве не бьются сами боги с восточными великанами?

– Гримтурсены воинственны и жестоки, такими они сотворены изначально, и природу их не изменить, – возразил Старый Хрофт. – Они грозятся покорить весь мир, если их не остановить – весь Хьёрвард, весь Митгард превратятся в ледяные пустыни, где никто не сможет жить, кроме всё тех же великанов. Но о чём ты хочешь вести речь, Гулльвейг? Мы слышали тебя. Ты пришла с речью о красоте злата? Ты её произнесла. Теперь же удались туда, откуда пришла. То есть в Ванахейм. А с его хозяевами мы потолкуем о том, как подобная тебе смогла добраться до Асгарда.

Гулльвейг улыбнулась.

– Отчего страшится меня могучий Один? Неужто он считает людей столь слабыми и беспомощными, что мои слова одни направят их ко злу? И, если это так легко сделать, то не в изначальной ли природе их дело, подобно злым и испорченным гримтурсенам, желающим покрыть всё сущее любимыми сим народом льдами?

– Довольно! – вмешался вдруг Локи, оставив Сиф. – Довольно мы слушаем твои речи, Гулльвейг. Владыка Асгарда велел тебе убраться. Не заставляй нас забыть о законах гостеприимства.

– Негоже асу грозить госте, – не отступила и не смутилась Гулльвейг.

– Я не ас, – дерзко ответил Локи. – Я из рода великанов, Лаувейей зовут мою мать, а жестокий Фарбаути мне приходится отцом. Поэтому не требуй от меня вежества асов, чародейка. И покинь этот зал, пока мы тебе это ещё дозволяем.

– Вы позволяете? Может, храбрый бог огня, сын жестокого Фарбаути, осмелится вступить со мной в поединок?

– Сын жестокого Фарбаути сейчас вышвырнет тебя за порог, дерзкая! – загремел Локи.

Рыжебородый Тор сделал движение, будто собираясь помешать богу огня, но Старый Хрофт лишь покачал головой, и бог грома остался на месте.

Локи потянулся, пытаясь схватить гостью за плечо, однако пальцы его нашли лишь пустоту, Гулльвейг сдвинулась самую малость, однако сын Лаувейи огня не удержался на ногах и, к собственным позору и ярости, растянулся на полу.

– Колдовство! – громко вскричал горячий Вали, выхватывая меч. Гулльвейг стремительно повернулась к нему, меж рук колдуньи что-то блеснуло – и тут в спину ей ударило копьё, брошенное рукой Улля. На пир он пришёл без всегдашнего и излюбленного своего оружия – лука со стрелами.

Все замерли, однако Гулльвейг лишь улыбнулась, глядя на окровавленные наконечник и древко, торчащие у неё из груди. Улыбнулась и лёгким движением сломила остриё, отбросив в сторону.

– Кто ещё осмелится? – звонко спросила она.

Ответом ей стала целая вьюга копий. Бросали все асы, даже мудрый Хеймдалль, даже кроткая Идун. Пол залило кровью, но Гулльвейг лишь смеялась.

(Комментарий Хедина: несомненно, мы имеем дело или с некромантией высшей пробы, или с великолепной магией иллюзий. Что, опять же, ставит вопрос об источнике сил этой самой Гулльвейг. Понятно, почему Старый Хрофт не остановил своих – ему надо было знать пределы сил незнакомки. Не могу поверить, что он... попросту растерялся. Дальше в рукописи разрыв, первая вставка, на оборотной стороне какой-то выделанной чешуйчатой шкуры, что так и хочется назвать «драконьей», рука явно другая, не Старого Хрофта. Буквы мельче и чуть элегантнее, хотя и более размашистые. Если бы я пытался угадать, кому принадлежат эти строки, то первым подумал бы на Локи, как он описан на этих страницах.)

...Но Гулльвейг не умерла от пронзавших её копий. Она лишь шутила и насмеялась над асами, и вся ярость их ничего не могла с ней поделаться. И тогда Хеймдалль первым воззвал к богу огня, воскликнув:

– Чего не смогла сталь, осилит пламя! Локи, твой черёд!

Сын Лаувейи выступил вперёд, и взор его повергал всех в ужас, столь неистова была его ярость. В сплошной костёр обратился пиршественный зал асов, огонь затопил его целиком, не дерзая, однако, причинить ущерб кому бы то ни было из обитателей Асгарда. В одно место стянулось пламя, в один огненный столп, и внутри него пылала чародейка Гулльвейг. Видели асы, как распадается её тело серым пеплом и пышущими угольями; по слову храброго Локи повинующийся ему огонь угас.

Но не успели опасть языки пламени, как выступила из них всё та же Гулльвейг, живая и невредимая! Огонь сделал её ещё прекраснее, так, что у асов пресеклось дыхание и не нашлось слов, чтобы описать её красоту. Лучились дивно-золотистые волосы её, ярче звёзд сияли глаза.

– И это всё, на что способны вы, асы? – воскликнула она дерзко, так, что все, пребывавшие тогда в Валгалле, испытали страх, даже сам Отец Богов.

(Комментарий Хедина: лишнее доказательство, что писал именно Локи.)

Но отважный бог огня не собирался уступать.

– Велика сила твоя, колдунья! – воскликнул он, и стены задрожали от его могучего гласа. – Но не испугают нас, владык Сущего, твои чародейские причуды! Получай!

И, сказавши сие, Локи взмахнул рукой, сотворив новое пламя, ещё ярче и жарче первого. Столь горячо было оно, что плавало железо, даже сработанное гномами.

Но волшебница вновь осталась невредимой, и понял тогда бог огня, что имеют они дело не с простой смертной, не с простой колдуньей, но с той, кто наделён властью, наподобие власти вельв или норн. Не стал бы нападать на такого врага разумный Локи, но в едином порыве взмолились о помощи все асы, и не мог отказать им добросердечный сын Лаувейи.

В третий раз охватил огонь колдунью, но, как и предвидел Локи, пламя ничем не повредило ей. Лишь красота её возросла ещё больше. Даже слепой Год заметил бы завистливые и исполненные ревности взоры, что бросали на колдунью асиньи, не исключая и гордую Фригг, очень много мнящую о себе.

– Что ж, спасибо вам, владыки Асгарда! – звонко воскликнула Гулльвейг. – Благодаря вам умножились мои силы и красота. Не только Гулльвейг зовусь я, но и Хейд, и ведомо вам, что значит моё исконное имя!

– Сияющая значит твоё исконное имя, – сказал быстрый разумом бог огня, – и поистине подходит оно тебе. Сильна твоя магия, Хейд, но чувствую я, что на погибель послана ты нам!

– Ваны разгневаются, узнав, как поступили благородные асы с их посланницей! – провозгласила Гулльвейг. Никем не останавливаемая, шла она из одной залы Асгарда в другую, и все двери распахивались пред нею. Многие асы ждали, что заступит ей дорогу Отец Богов и сразит своим не знающим промаха копьём, однако Óдин не вступил в схватку. Молчалив оставался Ас воронов и погружён в неведомую думу.

Все залы обошла Хейд-Гулльвейг и творила множество магических вещей, какие не осилили бы ни Фригг, ни Сиф, ни даже Йорд, могущественная богиня земли. Молча следовали за ней асы и асиньи, словно замороженные, и никто не дерзал преградить ей путь.

Наконец, когда покинула Гулльвейг залы Асгарда, говорят, что стала она знаменита среди смертных, положив начало роду ведьм, что владеют магией, над которой не властны даже боги...

(Комментарий Хедина: здесь вставка обрывается. Что случилось дальше с упомянутой Хейд-Гулльвейг, остаётся только гадать. Такая сила не могла пропасть бесследно – и в дальнейшем просто обязана себя проявить. На месте Старого Хрофта я не спускал бы глаз с такой чародейки, однако у Отца Дружин, несомненно, имелись свои резоны. Вопрос лишь в том, к чему они привели...)

На следующем листе мы вновь видим руку владыки Асгарда. Что случилось сразу после исчезновения Гулльвейг, он не сообщает, а переходит сразу к войне с ванами, что, по-моему, являлось неописуемой глу... то есть весьма необдуманном деянием для обеих сторон.)

...Велик был гнев ванов, когда узнали они, как обошлись в Асгарде с их посланницей. Гнев тот был несправедлив; асы не знали, что Гулльвейг правила посольство, и ни слова не сказала она, что принесла именно слово ванов и что её надлежит выслушать именно как посланницу. Конечно, если суть в этом, то ярость их понятна.

(Комментарий Хедина: Гулльвейг осталась жива и здорова и даже смогла извлечь выгоду из случившегося, сделавшись, по её словам, «ещё прекраснее». Тут, скорее, дело в принятых обычаях, когда честь и неприкосновенность посла ценились превыше всего и малейший вред или урон ему значил немедленную войну. Хотел бы я, чтобы подобное оставалось справедливым и в позднейшие времена, многими прозванные «подлыми»...)

Недолго совещались асы под высокими сводами Валгаллы. На удар принято отвечать ударом, на коварство – коварством. Отец Дружин не колебался, выведя рати асов навстречу

воинству Ванахейма, и первым, не колеблясь, метнул своё неотразимое копьё им навстречу, пролив первую кровь.

Что потом долго ставилось – и ставится – ему в укор.

Но говорить о мире можно лишь с теми, кто ценит мир и желает его.

Но сесть за пиршественный стол можно лишь с теми, кто – даже поссорившись – берётся за меч, а не за яд.

Так началась первая битва, но удача отвернулась от асов. Трудно поверить в такое, что боги Óдин и Тор, Хеймдалль и Видар, Тир и Вали могли уступить кому бы то ни было в сражении. Но выше говорилось уже, что магия Ванахейма сильна, им даровал её сам Лунный Зверь, великий первомаг Хьёрварда, и Отец Дружин, поняв, что сегодня победа склоняется на сторону врага, повелел своему воинству в полном порядке отойти под защиту стен Асгарда, что и было исполнено в точном соответствии с его словом.

(Комментарий Хедина: все отступления, что мне доводилось видеть «совершаемыми в полном порядке» представляли исключительно в летописях, чьи составители тцились пострафить или самому полководцу, отдавшему приказ, или, к примеру, его потомкам или сторонникам.)

Ваны встали лагерем вокруг Асгарда. Столь могущественна была дарованная Лунным Зверем магия их, что во прах рухнули сами стены крепости асов, почитавшиеся ими несокрушимыми. Долго можно повествовать об этой войне, как она шла, как совершались вылазки и отбивались штурмы, но Гульвейг, послужившая поводом к ней, не приближалась более ни к Асгарду, ни даже к Ванахейму, казалось бы, вступившемуся за неё. Лишь изредка враны и волки Отца Богов замечали её в разных частях Большого Хьёрварда, наставлявшую избранных ею дев и жён в искусстве чародейства, но тропу богов она более не пересекала.

Так или иначе, но пришёл конец и войне с ванами. Сражения принесли немало славы асам, свершившим множество доблестных дел, и немало убытков вanam, позабросившим свои уютные пажити, в отсутствие хозяев заросшие тёрном и болиголовом. Ваны запросили мира.

(Комментарий Хедина: трудно поверить, что «запросили мира» именно ваны, осадившие вражескую твердыню и обрушившие её стены. Впрочем, речь здесь по большей части идёт не о войне асов с ванами, а о таинственной волшебнице Гульвейг, невесть откуда взявшейся, пережившей все усилия асов покончить с нею и потом занявшейся обучением ведьм. Последнее, гм, заставило меня вспомнить одну Истинную Чародейку в пору расцвета моего Поколения, хотя непонятно, хотел ли Старый Хрофт специально подчеркнуть эту связь или так получилось случайно. Тем более странно, что Отец Дружин не попытался отыскать эту самую Гульвейг после, будучи в зените могущества. В конце концов, всегда можно было взять с собой Тора с его могучим Мьёлльниром. Оставлять такую угрозу... совершенно в духе Старого Хрофта!)

Здесь кончается повесть о Гульвейг, рассказ о случившемся на самой заре этого мира. Но, как это обычно и бывает, рассвет задаёт дорогу полдню, а тот, в свою очередь, указывает путь сумеркам, открывающим врата ночи.

Так и случилось.

Часть первая Боргильдова Битва

I

*Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примёшь,
коль ты их поймешь:
с тем, кто хуже тебя,
спорить не надо;
нападёт негодяй,
а достойный уступит¹.*

Громокипящий пламенный котёл в жерле исполинского вулкана, он изрыгает высоко в аэр чёрные потоки дыма и пепла. По склонам струится огненная лава, достигает моря и замирает, окутавшись клубами пара, отдав великому океану свои ярость и жар.

Высоко над землёй, пронизав воздушные толщи, извергнутый вулканом дым достигает хрустального небосвода, обволакивает перекинутый от земных пределов радужный мост, что тянется к крепости, опирающейся на ещё недавно вольные облака, а ныне изловленные, зачарованные и поставленные нести службу.

Под копытами золотовыйного восьминогого жеребца бьётся пламя, мечется, не в силах вырваться. В левой руке всадника – поводья, в правой – копьё, покрытое резными рунами. Прижата напором ветра к груди седая борода.

Всадник стар. Он не помнит себя молодым. Сколько смотрят на мир его глаза, волосы его всегда были седые, а борода и усы спускались до середины груди. Ему кажется, что таким он и возник, таким родился. Ни отца, ни матери всадник с копьём не помнит. В легендах люди сами придумают им имена – Бор и Бестла, но это лишь звуки, ничего больше.

Наездник не помнит себя молодым, но знает, откуда он взялся, осознаёт собственное рождение, что даровано очень немногим.

В видениях-снах он видит зарождающуюся в непроницаемой бездонной черноте неба искру, огневеющую, словно сердце и первоначало всего пламени, полыхающего в мире, племён мира. Что за ней, за этой искрой, что породило её, откуда начался и в чём почерпнул силу её стремительный бег – всадник не ведает, но чувствует. Громадную, непредставимую и неохватную мощь, творящую жизнь и её же поглощающую. Всадник не в силах охватить эту мощь собственным разумом. Он лишь знает, что порождён ею, с целью или же без оной – ему безразлично. У него есть дело, есть долг, есть соратники и сородичи, есть враги, есть дом – что ещё потребно мужу и воину?

Восьминогий жеребец мчится сквозь небо, на север, туда, где ветер в ярости бросается на вставшие дыбом льды, где от края до края раскинулись замерзшие моря. Вдоль берега, где угрюмые чёрные торосы гордо отказываются от снежной шубы – пещеры инеистых великанов, ётунов, смертельных врагов всадника на восьминогом жеребце и его собратьев. Они могущественны, повелевают дикими, враждебными всему живому стихиями, могут насыпать свирепые ураганы и метели, сквозь которые едва пробьётся даже лучший под этими

¹ Здесь и далее – «Речи Высокого» из «Старшей Эдды» приведены в переводе с древнеисландского А. Корсуна под редакцией М. Стеблин-Каменского.

звёздами восьминогий конь. Ётуны умеют начертить на вечных льдах такие руны, что на помощь им, даже против собственной воли, приходят огонь и земля.

Испокон веку великаны властвуют над некогда породившей их замёрзшей водой, оставив своим противникам воздух. Земля и пламя не встали ни на ту, ни на другую из сторон.

Всадник знает – ему не уничтожить всех ётунов. Но и великанам никогда не взять верх, чего упрямые верзилы никак не желают признавать.

Пока цело великое древо мира, ясень Иггдрасиль, видимый лишь посвящённым, пока питают три его корня три заповедных источника – победителя в этой войне не появится.

(Комментарий Хедина: здесь начинается сама история. Первые листы – с ровными краями и размеренным почерком. Отец Дружин вновь пишет о себе, как положено в сагах, со стороны, никакого «я». Это больше смахивает на начало совсем иного труда, однако волею судеб он оказался именно в той книге, в которой оказался. Старый Хрофт, как обычно, не снизошёл до объяснений. Интересно замечание о «великом мировом древе», подобных преданий бытует множество, однако моему Поколению так и не удалось обнаружить ничего подобного.)

Темна, черна и нестерпимо-горяча вода в первом из ключей, чьё имя – Кипящий Котёл. Влага черна, но сам Котёл предстаёт алым зраком в сгустившемся вокруг него мраке. Под привычными кругами мира, под Вифльхеймом, обителью многих странных племён и магических существ, под Свартальфахеймом, домом чёрных альфов, как их называли тогда – самых древних гномьих колен, лежат Адовы Круги. Жизнь в них, пугающая и злая, порождена испарениями Кипящего Котла; туда за совершённые при жизни прегрешения из других миров попадают души умерших, что недостойны лучшей участи.

А ещё дальше – жуткий Унголиант, охотничьи уголья самых смелых и дерзких сородичей небесного всадника с покрытым резьбою копьём. Это мир чудовищ, не злых и не добрых, пожирающих друг друга и тех, до кого смогут дотянуться, не потому, что «плохи по природе своей», а оттого, что иной пищи для них не существует. Они древни и могущественны, обитатели Унголианта, начало их начал скрыто даже от наездника, несущегося сейчас над скованными льдом водами; где-то в пределах тёмного мира теряется зарождение первого из великих корней.

В тайных пределах, расположенных, казалось бы, совсем близко – протяни руку, и дотянешься – бьёт второй источник, источник Мимира. Давным-давно самый мудрый из ётунов встал возле него на стражу, получив нечто, очень близкое к бессмертию. Некоторое время назад всадник сумел пробраться к источнику; он оставил в залог свой правый глаз, но зато испил воды и, как утверждают сладкоголосые певцы, для него «нет теперь тайн ни в прошлом, ни в грядущем».

Конечно, это не так. Загадок осталось предостаточно, но теперь он знает, как подступать к ним, даже смотря на мир одним-единственным глазом. Кому-то это представляется великой и недоступной мудростью – но сам наездник больше всего верит в своё копьё, своё знание рун и заклятий, да ещё – в силу оружия своих сородичей.

Есть и третий источник, Урд, самый священный. От него берёт начало третий корень великого ясеня. Около Урда чаще всего останавливается всадник, ибо в нём сокрыта вся святость мира и чистота. Так, во всяком случае, он привык верить. Хотя и помнит смутную и странную вису, сказанную вэльвой – той самой, что напорочила Рагнарёк:

«Урд отражён
сам на себя
в зеркале вод.

Не ошибись,
образ приняв
за истины лик...»

(Комментарий Хедина: космология Упорядоченного, как она предстала Древним Богам. Удивительно, что Мировое Древо почиталось ими совершенно вещественным, воплощённым – когда моё Поколение ещё только училось, и наставники в подробностях говорили нам об устройстве сущего – они ни словом не обмолвились о чём-то подобном Иггдрасилю. Известия о трёх источниках, в общем, точны, хотя туманные слова вёльвы большого смысла для меня не имеют; а вот что такое Вифльхейм, узнать так и не удалось. В двух сказаниях о тех днях, кои я прочёл уже после знакомства со Старым Хрофтом, мне попало название царства вечных туманов Нифльхейм; может, это одно и то же?)

Прорицание вёльвы страшно, и никакие силы не изменят судеб мира, однако скачущий по воздуху наездник не привык склоняться перед судьбой. Так или иначе, ему обещана славная битва! Славная битва и конец, достойный настоящего воина: пасть, увидав до этого гибель своего самого страшного врага. Великий Волк, Пожиратель Богов, не уйдёт от возмездия². Пусть железные зубы Фенрира перекусят верное, не знающее промаха копьё – достанет и одного лишь наконечника, чтобы лишить жизни Трупного Зверя.

Строчки сами всплывают в памяти.

«Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.

Волк выступает —
вырвался вражий —
капает яд,
крови клыки,
смердно дыхание,
злоба в глазах.
Участь Асгарда
ныне решится.

тюр преграждает
жадному путь,
битвы огонь
смелый подъял,
волка разит.
Фенрир прыжком
меч отражает,
жизни предел

² Знакокам «Прорицания вёльвы» из «Старшей Эдды» следует помнить, что здесь всё-таки совсем иной мир.

тюра кладёт.

Волку дорогу
тут заступает
Асов Отец
и Асгарда владыка.
Остро копьё его,
глаз его верен,
мечет тролль крови
в Волка без промаха.

Зубы крепки
в Жадного пасти,
древко крошат,
чуя победу,
воет вражина,
острый обломок
обратно вернулся
Одину в руку.

Вот выступает
воронов Ас
и Асгарда владыка,
меткою дланью
он погрузит
Гунгнира сталь
Волку сквозь небо...»

Там было и дальше. Отец Дружин помнил окончание, слова словно выжгло на внутренней стороне век. Да, он погибнет. Увидит смерть врага и погибнет. Полягут и почти все его дети. Но немногие оставшиеся построят на обломках прежнего новый мир, чище, честнее и лучше. Старые вины, обиды и нарушенные клятвы канут в бездну вместе с обугленными обломками старого бытия.

Воин ждёт последнего боя без страха. До него ещё не скоро, а пока хватает иных дел, обычных, каждодневных. Хранить свой мир, например.

(Комментарий Хедина: красиво, как и положено у Древних Богов. Главное – это героическая гибель, всё остальное неважно. Что погибнет весь мир и почти все его смертные обитатели – дело десятое. И никакого Закона Равновесия! Иногда, честное слово, становится завидно.)

Над головой сгущаются тучи, трутся мягкими боками о неподатливый небесный хрусталь – восьминогого жеребца, способного скакать по воздуху, словно по земле, заметили. Впрочем, наездник и не скрывался. Ага!.. что это там такое внизу?

Обычно разведка, дальний дозор – удел двух воронов, Хугина и Мунина, или волков – Гери с Фреки. Люди верят, что за день, торопясь вслед солнцу, они успевают обежать или облететь весь мир...

Тем более, что имелись враги и не из числа великанов, те просто самые привычные. Были и другие – чужие, пугающие, непонятные. Их прозвали Дальними, просто потому, что

о них так ничего не смогли разузнать даже они, всевидящие волки и враны Отца Дружин. Сколько б ни натруживали лапы и крылья, им так и не удалось найти никакой «крепости», «твердыни» или хотя бы просто «дома» этих странных сил. Они приходили из ниоткуда и исчезали в никуда. На равнинах Южного Хьёрварда гремели битвы, сходились рати Асгарда, асы и ваны в одном строю вместе с мелкими божками полуденных земель – против диковинных созданий, похожих на ожившие друзы зеленоватых кристаллов.

У них имелись слуги и сподвижники. Избегая северных земель, царства снега и льдов, где могущество хозяев Асгарда особенно сильно, они пытались укрепиться в полуденных областях, во владениях младших богов и божков, не входящих в семью Одина, не асов и не ванов.

Но с этими врагами можно было воевать, как и с гримтурсенами. Как и инеистые великаны, Дальние оказались вполне уязвимы и пред заклятиями, и пред сталью. А особенно – перед сталью, соединённой с заклятиями.

Правда, в отличие от тех же ётунов, Дальние никогда не выходили на поле боя сами, в истинной плоти. Их магия оживляла кристаллических монстров, заражала бешенством и жаждой крови ещё вчера мирную лесную нелюдь; творила удивительные магические конструкции, зелёные летающие шары размером с добрую крепость, сотканые словно из пылающих изумрудным пламенем нитей. Эти чудовища появлялись даже и на севере; но им молот Тора быстро показал, что вблизи Асгарда им шастать не следует – там заклятия Отца Дружин и его детей были особенно сильны и действенны.

Но это была война – дело для Древних Богов знакомое и привычное. Война есть средоточие силы духа, единственное достойное мужчины дело – в этом не сомневался никто из обитателей Асгарда. Впрочем, это же дело наиболее достойно и жён – недаром так высоко почитались валькирии, девы битвы.

Из конца в конец Южного Хьёрварда катились волны наступлений. То Дальние и их слуги почти прижимали к западному океану союзников Отца Дружин, и тогда ему зачастую самому приходилось вмешиваться в дело, ставя под свои знамёна северных воителей; знаменитый хирд гномов Кольчужной горы прославил их далеко под полуденным солнцем. То уже рати Древних Богов, собравшись с силами, отбрасывали врага к самому восточному краю континента.

Это было хорошо, и это было правильно.

Слабые уходили, сгорали в пламени вторжений. Сильные выживали и давали потомство, земля, щедро удобренная пеплом пожаров, пропитанная дождями, давала новые всходы. Старые леса, сильные собственной магией, стойко сопротивлялись огню, молодые и обесмысленные сгорали дотла, и на освободившееся место приходили те, чьё волшебство способно было защитить только-только лёгшие в землю семена.

Закон Древних Богов прост и суров. Природа и безжалостна, и милосердна – всё сразу. Она не знает иного способа сделать своих детей лучше. Поэтому сильные живут, а слабые должны или сделаться сильными, или признать над собой защиту сильных – а, следовательно, и их власть; или умереть.

Это не тяжело и не страшно. Таков порядок вещей; ведь и самим богам предстоит пасть в день последней битвы. Всё имеет свой конец и своё начало; истины выбиты на скрижалях сущего, и по этому суровому закону живёт всё, что дышит.

Войны Южного Хьёрварда, хоть и кровавые, и жестокие, не трогали самое сердце Отца Дружин. В конце концов, вся жизнь от первого мгновенья до последнего – война. Война со слабостью, нездоровьем, болезнями, неумением, боязливостью, скупостью, алчностью и прочим, что отделяет достойного Валгаллы мужа от нидинга, труса, чья судьба в посмертии – отправиться в мрачные залы Хель.

(Комментарий Хедина: да, Южный Хьёрвард памятен, весьма. Именно там мы с Хагеном добывали ему Голубой Меч из крепости почти лишившегося ума от страха Шар-эршена, одного из младших богов Хьёрварда. Жаль, что не осталось подробного описания тех войн с Дальними, помогающим мне эти сведения очень бы пригодились.)

Но сегодня – особое дело. Хугин и Муниин принесли весть, что инеистые великаны вместе с горными собратьями выкладывают на льду огромные руны, не жалея спин, откалывают от прибрежных скал острые чёрные глыбы, волокут – и на белом покрывале возникают узоры, странные, пугающие и отталкивающие. Даже вороны, устойчивые ко всякой волшебнице, не смогли разглядеть всё в подробностях. Не говоря уж о волках. Что-то куда могущественнее обычной магии отвело им взоры, обычно такие острые и всепроникающие.

Это совсем не походило даже на приснопамятных Дальних. Магия для них была что воздух, но никогда не превышала определённого предела. Великаны же всегда, испокон веку, уповали на силу, только на силу и ни на что иное, кроме силы. Хексы, троллквинны, ведьмы, хоть и занимали среди великанов высокое и почётное место, никогда не пытались противустать асам.

Наверно, понимали, чем кончится для них эта битва.

И, если гримтурсены взялись за магию – притом за рунную магию, мало чем могущую помочь в горячке сражения – значит, изменилось что-то по-настоящему важное.

Например, с ётунами сумели договориться Дальние. Мол, у нас одни и те же враги, почему бы не объединить силы, пока стены ненавистного Асгарда не будут обрушены во прах?

Такая опасность имела. Асы многожды обсуждали её на тинге, хитроумный Локи не раз вызывался сам отправиться в Ётунхейм поразведать – но доселе, как ни странно, ни о каком сговоре гримтурсенов с Дальними никто и слыхом не слыхивал. Инеистые великаны, слишком гордые, чтобы искать союза с кем бы то ни было, жаждали покончить с асами только и исключительно своими собственными руками.

Поэтому сегодня на разведку всадник отправился сам.

Он любил подобные странствия, как любил весёлый пир или честную схватку грудь на грудь. Порой да, приходилось нарушать слово, перетолковывать клятвы – потому что его попечению вверен целый мир, а мир должен жить. Иначе нет смысла и в существовании хранящих его богов.

...Ётуны могущественны, но не слишком умны. Всё лезут и лезут на рожон, лезут и гибнут. Остаются их дети, обуреваемые жаждой мести, и всё повторяется сначала. Что ж, всадник отнюдь не против. Глупцов, не умеющих учиться, ему не жаль. Пусть их кровь льётся потоками, она очищает мир. Значит, он сам и его сородичи властвуют здесь по праву. Ибо кто побеждает – тот и прав.

Пронёсся и утонул в дымке Заслонный остров, откатились волны Льдистого моря; остались позади Полуночные горы и Гнипахеллир, восьминогий Слейпнир миновал пещеру Гарма – и вот они, белые замёрзшие поля. Вотчина ётунов, инеистых гигантов. Над скованными несокрушимым панцирем водами вечно кружат исполинские колёса непроглядных облаков, сеющих снегом даже в разгар короткого лета – великаны не привечают солнце, их хладным сердцам милей вьюжная полумгла.

Однако вот и они сами.

(Комментарий Хедина: дальше начинаются, ни с того ни с сего, берестяные страницы. Первая фраза явно добавлена много после; похоже, что Отец Богов записал только что с ним случившееся на первом подвернувшимся под руку материале, а потом так и вставил в книгу.)

Всадник сдерживает бег восьминоного коня; тот храпит и пятится, словно самая обычная лошадь, учуявшая волков.

Далеко внизу, на белой глади льдов, медленно движутся фигурки великанов; кованный морозами панцирь перечеркнули извивы рун. Разглядеть их можно лишь с большой высоты, и как это ётуны только смогли изваять такое? Крыльев-то у них нет, да и способных скакать по облакам жеребцов – тоже.

Всадник перегибается, сощуривается – что такое? Почему глаз его полон словно бабьей водой? Отчего расплываются очертания выложенных из камня руниров?

Наездник зло вскидывает руку в боевой рукавице, проводит по лицу. Нет, всё как и было. Придётся снизиться, может, станет лучше?...

Слейпнир срывается с места, повинувшись хозяйской руке, однако волшебный конь недоумен – он явно с большей охотой повернул бы назад.

Так, тут и впрямь чуть лучше.

Что ж вы тут навывкладывали-то, ётуны? Откуда вдруг такая любовь к заветным письменам? Вы и к простой-то грамоте питаете отвращение, до сих пор передавая секреты собственной волшбы только из уст в уста.

Нечто небывалое должно случиться, чтобы племена инеистых великанов отринули б вечные распри и вот так, дружно, как один, принялись бы за дело, нелёгкое даже при их росте с силою.

Натасканы с далёкого берега громадные кучи плоских камней. Руны выложены огромным кругом, словно целят со всех сторон в некую точку, «средоточие отвержения», как сказал бы Хеймдалль, Сын Девяти Матерей. Очертания вроде б знакомые, но к каждой добавлено нечто, меняющее значение. Или это просто от ётунской неграмотности?

Вот как будто бы U,, Úr, «власть», но правая ножка перечёркнута. Вот перевёрнутая в другую сторону T, Thurs, «добрые вести». Вот H, Hagall, «горе, злая судьба», но увенчанная чем-то вроде трёхрогой короны. А вот и I, Yew, «путь мёртвых», но рассечена крест-накрест. И последняя, пятая – t, Tug, «война», но простая стрела обзавелась каким-то опереньем.

А куда ж они целются? Что в середине?

Круг. Пустой круг. Его нет в перечне обычных рун, пустой камень означает «судьбу» или «рок», начало и конец. А круг...

Слейпнир яростно ржёт и мотает шейю, отказываясь спускаться. Глаза режет, они слезятся уже так, что даже всадник ничего не может разглядеть – однако чудится ли ему, что там, в самом центре круга, крошечная тёмная точка? Ещё одна руна – но в сравнении с остальными исполинами эта – настоящий карлик.

Твёрдая рука гонит восьминоного жеребца вперёд, и чудесный конь смиряется перед волей наездника.

Инеистые замечают незваного гостя. Бросают работу, тяжеленные чёрные глыбы летят в снег, однако никто не хватается за оружие. Слейпнира провожают мрачные взгляды из-под громадных натруженных ладоней, и взгляды эти наезднику не нравятся чрезвычайно. Уж лучше бы засвистели пращи, пусть бы обрушился каменный град...

Да, вот она, последняя руна. И, против ожиданий, она ничуть не изменена. o, Oðal, «наследственная земля». Правда, она же может значить «начало и конец», помимо пустого рунира.

Что за наваждение? Подобная заумь свойственна Дальним. Неужели всё-таки случилось?

«Спускайся и поговорим, могучий Óдин».

Слова отдаются железным лязгом, Слейпнир дико ржёт, почти вскрикивает в ужасе. Холодная и злая сила тянет всадника вниз, туда, на снег, к острым, словно наконечники копий, торосам.

Что ж, он, Óдин, как его называют, «отец человечества», «сын Бестлы», «сын Бора», «потомок Бури», «Хрофт», «Игг» – и ещё множеством иных имён – спустится и поговорит. Он ещё никогда не бежал от опасности. А в случае надобности – не подведёт Гунгнир, трёхострое копьё, выкованное в Свартальфахейме из слитка неведомого никому металла, найденного самим Отцом Дружин на равнинах Иды. Брошенное, оно всегда вернётся к нему в руку, а заветные руны помогут навсегда удержать начарованное³.

Но даже он, отец богов, сейчас с трудом успокаивает Слейпнира. Волшебный конь словно обезумел, слепо рвётся сквозь метель так, будто хочет разбить себе грудь о крепкие, точно гранит, ропаки.

«Поговорим, Ас воронов».

Что ж, поговорим.

– Только с кем? Я не вижу никого достойного! – громко провозглашает Óдин, оказавшись на снегу. – Вокруг лишь простые камнетёсы!

«Устрою ли я тебя, о брат Вили?»

– Кто ты? Покажись! – требует Óдин, для верности взмахивая копьём.

(Комментарий Хедина: если верить скупым рассказам Старого Хрофта, тому, что он говорил мне сам, никаких братьев, равно как и отца с матерью, у него никогда не было. Но развеивать предания о самом себе он в те времена отнюдь не спешил.)

«Я далеко и близко. Я не в силах выйти и приветствовать могучего отца богов так, как он того достоин. Пусть мои речи недостаточно учтивы, о Хрофт, но смысл их да не ускользнёт от тебя».

– Кто ты?!

«Лаувейя⁴, о Игг, и не говори, что имя моё тебе незнакомо».

– Знакомо, – усмехается Óдин. – Однако с каких это пор ты сделалась вещуньей, бабка Слейпнира?

Далёкая усмешка, пришедшая словно из самого сердца суровых, безжизненных гор.

«Недостойно владыки Асгарда стараться оскорбить бедную женщину. А хексой, ведьмой по-вашему, я была всегда, от начала начал. Иначе как бы смогла я дать жизнь богу огня?»

– Допустим, – морщится Óдин. – Но что с того? Ты хотела поговорить, так говори, породившая Локи!

«Ты пришёл, потому что не понял значения наших рун, так, о великий Игг? Ты испугался небывалого? Союза моих сородичей с неведомыми, обитающими в сердце смарагдовых колдовских камней? Не отрицай, в таком признании нет урона твоей гордости. Напротив, это признак силы. Уверенный в себе не претерпит ущерба от произнесённых слов».

– Только если они не из уст троллквинны, как говорят на восходном берегу Хьёрварда, – возражает Óдин.

«Возможно. Но я хочу, чтобы ты узнал кое-что, Отец Богов и победитель великанов. Бесчестно и недостойно йотуна было бы утаить от тебя это знание – ты наш враг, но ты и охранитель привычного нам мира...»

– Довольно слов, ведьма. Говори, что хотела сказать!

«Ты даже не хочешь притвориться вежливым, о Игг. Словно и не занимает тебя, почему наши руны так причудливо изменены...» – в голосе великанши странное сожаление.

³ История Гунгнира, копия Одина, здесь существенно отличается от описанного в «Прозаической Эдде», где, напомним, отцу богов это оружие изготовили братья-гномы Сидри и Брокк.

⁴ Великанша, согласно «Старшей Эдде» – мать Локи.

– Не хочу. Потому что это притворство, прародительница Волка. Но, если ты скажешь мне, я запомню. А тебе известно, что Один не забывает долгов или благодарностей.

Вновь усмешка, на сей раз горькая.

«Благодарностей... кто знает, чем обернутся мои слова. Но быть может, что и к добру, если почитать за таковое не продление бытия асов или йотунов, но самого мира, носящего нас на собственной спине. А потому – слушай же, Игг! Грядёт великое изменение. Из-за пределов нашего мира явится оно, принеся горе и свет, смерть и воскрешение. Уйдёт старое, воздвигнется новое, и тебе не будет в нём места. Я вижу это так же ясно, как ты – свою участь в старом пророчестве вёльвы».

– Я знаю пророчество вёльвы, – Один крепче сжимает копьё. – Я знаю, что нам предсказан Рагнарёк. Гибель всего и вся, в том числе – и рода великанов. Старый мир поглотит морская бездна. Однако не всё так безнадежно – из пучины вод вновь поднимется суша, и придут новые боги, чтобы править ею. От моего семени останутся Магни и Модри, останутся Видар и Вали, Бальдр и Ход. Они создадут новый мир, лучше и чище нынешнего. А вот твоё племя сгинет. И я солгал бы тебе, бабка Змея, уверяя, что последнее меня хоть сколько-нибудь печалит. Всё имеет свой конец, даже дни богов. Но я не страшусь этого – я знаю, что приму смерть, достойную мужа, а внуки мои продолжат моё дело.

Смех.

«Ах, Один, Один, многомудрый Хрофт! Отец Дружин, носитель великого копья! Как же ты наивен, как заткали твой взор победы над моими сородичами и теми же Дальними, вернее, их слугами! Ты не видишь священных письмен в сталкивающихся льдах, не читаешь знаки судьбы в мятущихся тучах. И даже руны йотунов для тебя – откровение. Отправляйся к мудрому Мимиру, испей вторично из его источника – первый-то раз, как видно, не помог».

– Не стоит оскорблять гостя, великанша.

«Скоро ты убедишься в справедливости моих слов», – печаль и тоска не поддельны. – Ты убедишься, но будет поздно, – Так случается со всеми истинными предсказаниями. Ты веришь вёльве, но не хочешь прислушаться ко мне. Что ж, иди, сын Бури. Иди и не говори, что тебя не предупреждали».

– Меня не предупреждали, ведьма. Ты ничего не сказала толком – в отличие от той же прорицательницы-вёльвы. Что значат ваши руны, я так и не узнал.

«Попробуй иные способы. Они есть. Если ты сумеешь прочесть написанное нами, быть может, удастся отвести большую беду».

– Если ты хочешь отвести большую беду, мудрая великанша, то лучше б тебе поведать мне прямо, в чём тут дело.

«Не могу, – с искренней болью в голосе. – Имеющий восемь зрачков запретил мне это».

– Имеющий восемь зрачков? – впервые удивление Одина искренне и не наигранно.

(Комментарий Хедина: а вот впервые напрямую упоминается Великий Орлангур. Не все посвящённые верят, что он существовал в столь давние времена, иные полагают, что он вместе с братом Демогоргоном явился в сущее много позже. Однако Старый Хрофт, похоже, был убеждён, что без Духа Познания тут не обошлось. Хотя на Золотого Дракона это весьма похоже. Вдаваться в пояснения – не его стезя.)

«А тебя ещё зовут мудрейшим из мудрых... Прогони от себя льстецов, великий Хрофт, войди в смерть и выйди из неё. Тогда, быть может, твой взор очистится. А сейчас прощай, мои силы потребны в ином месте...»

Порыв ветра – и бесплотный голос утих, подхваченный снежной бурей, растаял в белёсой круговерти.

Мрачные великаны снова принялись за работу, не обращая на вековечного врага никакого внимания – мол, хочешь убивать – убивай, это уже не имеет значения.

Имеющий восемь зрачков. Нет, Отец Богов удивляется не тому, что у кого-то они есть, и в таком числе. Этого могучего духа он знает. Он видел его, когда впервые висел на священном древе, пронзённый собственным копьём. Видел смутные очертания исполинского крылатого змея, но особенно запомнились тогда именно глаза. Жуткие и пугающие, о четырёх зрачках каждый.

...Потом этот дух появлялся ещё – в моменты гаданий, когда Отец Дружин обращался к самым глубинам рунной магии. Давал узреть себя, давал понять, что он такое. Так впервые перед Старым Хрофтом появилась сущность, куда более могущественная, чем он сам. Творец оставался всегда чем-то совершенно непостижимым, загадочным первоначалом, не имеющим никаких привычных или хотя бы доступных пониманию черт. А вот Дух Познания...

Он был здесь, на самой границе сущего. Не здесь и не там. Но ему не требовалось ни поклонения, ни святилищ; им двигала лишь вечная, неутолимая жажда нового. Хотя мощь его, самый краешек, явленный Отцу Дружин, заставлял содрогаться даже храбрейшего из храбрых. Он ведь наверняка способен на невероятное, думалось Старому Хрофту. Но как его дозваться? Восьмизрачковый дух сам появлялся, когда хотел, не подчиняясь никаким законам и правилам.

...Слейпнир сорвался с места куда охотнее, чем направляемый к земле, точнее – к льдам. Уменьшаются и тают чёрные руны, раскинувшиеся на целые лиги; первой исчезает крошечная «одаль», руна отчей земли, начало и конец всего.

Восьминогий жеребец вновь мчится по воздуху, торопится к благодатным равнинам Иды, где возведён Асгард. Недалёк уже и радужный мост; вот затрубил в рог Мудрый Ас, Хеймдалль, приветствуя Отца Богов.

Но сегодня Один хмур. Не глядя, бросил поводья Слейпнира; молча кивнул на приветствия и поклоны эйнхериев, прервавших бранную потеху.

Мрачно взглянул на обеспокоенную Фригг. Опустив голову, позволил жене увести себя во внутренние покои.

– Что тревожит тебя, муж мой? – поданы яства, сама Фригг достала гребень, села рядом с молчаливым супругом, принялась расчёсывать ему спутавшиеся за время скачки волосы.

– Руны. Руны ётунов, – коротко и угрюмо, взгляд в пол. Фригг горда и своенравна, однако знает – есть моменты, когда Отцу Дружин лучше не противоречить. – Они необычны. Знак тревоги...

– Скажи мне, поделись, и ноша твоя облегчится, – поклонилась, как и положено знающей своё место жене.

Нет. Не время. Могущественна Фригг и почитаема среди асиний с асами; но всё равно, она женщина. Как и мать Локи. Женщина, её прорицание сильно; а битва – дело мужей. В том, что предстоит именно битва, Отец Дружин не сомневался.

Осталось лишь определить, где и когда.

Он привык сам выбирать врагов. Упреждать их, наносить удар внезапно. Те же великаны – сильны, могучи, но не привыкли сражаться сообща, и Носитель Молота справлялся с их лучшими богатырями поодиночке. Дальние слишком упирают на магию, словно страшась честного боя, и мастера народа гномов научились делать зачарованные клинки, пряча руны в толще прокованного металла, так, что мечи эти умеют разить созданное колдовством и неуязвимое для обычной стали.

Так было, так есть. Но останется ли так?

Ибо ётуны трудятся все вместе, повинуются единой воле. Породившая Локи никогда не правила ими, у grimтурсенов вообще старшие в семьях имели власть лишь над ближней роднёй. Что же заставило инеистых великанов изменить всегдашнему обычаю? И что значат эти странные, перекорёженные руны?

И не изменилось ли чего на дальнем юге? Быть может, там тоже творится нечто небывалое, неслыханное от века?

Фригг молча взглянула на склонённое чело супруга. Покачала головой и тихо вышла; дверь покоя затворилась, а Отец Дружин даже не поднял взгляда.

...Собравшиеся на совет асы выслушали владыку Асгарда в молчании. Присмирел даже неугомонный Локи.

– Ты, Одаривающий.

– Следует, чтобы брат Бюллейста отправился б к своей матери и вызнал бы все подробности.

– Она не ответит, – проворчал Локи, отводя взгляд. – Даже на порог не пустит.

– Ты, Молчаливый, – прервал хитроумного аса Отец Дружин.

– Следует, чтобы владыка Бильскирнира отправился бы на север и пленил Лаувейю.

Здесь, в Асгарде, мы узнаем всё.

– Пленить мою мать? – вскинулся Локи.

– Чтобы жил Асгард, – отчеканил владетель железного башмака.

– Чтобы жил Асгард, – один за другим кивнули слепой ас, пасынок Фригг, и длиннобородый владыка поэтов.

– Стойте, стойте! – Тор, ушаститель великанов, воинственно задрал рыжую бороду. – Мой Мьёлльнир сокрушит любого из рода grimтурсенов, что правда, то правда. Но много ли толку, если я притащу сюда пленницу? Она не станет говорить.

– Что нельзя вырвать силой, можно узнать чарами, – раздался низкий голос Мудрого Аса. – Я согласен с Молчаливым.

– Один раз мы уже поступили бесчестно, – дочь Ньёрда гневно вскочила со скамьи. – Пролилась кровь ванов. Не стоит повторять той ошибки.

(Комментарий Хедина: кто в тогдашней войне поступил бесчестно, и полностью ли вина за пролитие первой крови лежит на асах, вопрос далеко не решённый. В истории Гульвейг слишком много белых пятен.)

– Согласна, – Сиф, роскошноволосая супруга Тора, встала рядом с богиней любви. – Я согласна отправиться к Лаувейе и поговорить с ней.

– Едва ли великанша захочет сесть за стол с моей женой, супругой того, кто отправил в Хель столько её сородичей! – возразил рыжебородый ас.

– Ты, как никто из нас, умеешь убеждать, – усмехнулся хозяин Золотой Чёлки.

– А ты, Мудрый, тогда отправился бы сам, – обиделся обладатель Мьёлльнира.

– Хватит, – поднялся Отец Дружин, и всё разом стихло. – Ничего, кроме совета идти на поклон к великанше или же вырвать у неё правду силой, я не услышал. Никто не предложил самим узнать смысл новых рун.

– Как же узнать-то такое? – простодушный Тор развёл руками.

– Я знаю как, – хозяин Асгарда опустил голову и никто из сородичей-асов не видел его взгляда.

* * *

Всё как всегда. Дети, они и есть дети. Пусть даже зовутся богами, умеют дробить несокрушимый гранит и побеждать великанов.

Золотистый Слейпнир беспокойно водит головой. Чудесный конь чувствует беду, хотел бы помочь, но не знает как. А Отец Дружин знает, но тоже – не может решиться.

Голая равнина, горизонт тонет в низких тучах, так что непонятно, есть ли вообще здесь солнце. Под ногами ни травинки, нагая слежавшаяся глина, где не пустит корни даже вез-

десущий пырей. Посреди ровного поля высится одинокий дуб, странный и нелепый в этом проклятом месте. Как он вырос тут – неясно.

Ветки его протянулись далеко от трёхобхватного ствола. Глина усеяна опавшими листьями, полусгнившими желудями – то могучее древо напрасно старается. Ничто не возшло в его тени, ничто не прижилось.

Отец Дружин стоит, вонзив трёхострое наверхие Гунгнира в неподатливую, плотно сбитую землю. Царит безветрие, беззвучие; дуб-исполин не шелохнётся, чем-то напоминая гиганта-ётуна.

Вот только он, Один, пришёл сюда с миром, а не с войной.

При мысли о предстоящем начинают мелко и стыдно трястись пальцы. Словно не хозяин Асгарда, а ничтожный нищий, забившийся в щель с медяками – дневной добычей – от продажной рыночной стражи.

Жди не жди, древний Игг, Старый Хрофт, а задуманное придётся исполнить. Твой глаз лежит залогом у Мимира, но даже всей силы Источника Мудрости не хватило, чтобы прозреть смысл новых, изменённых великанами рун. Не говоря уж об их сочетании.

Оттягивая неизбежное, Старый Хрофт разводит костёр – сухие поленья приехали на спине Слейпнира. Немного магии – огню полыхать девять дней и девять ночей. Охо-хо... но надо вытерпеть.

Хозяин Асгарда долго ходит вокруг и около потрескивающего пламени. Острием зачарованного копья чертит на земле привычные руны, раскручивая их спираль противосолонь. Соединяет отдельные письмена, так что получается окружившая костёр многолучевая звезда.

Медленно наползают сумерки. Здесь нет ярких закатов, свет просто угасает, словно истаивая, просачиваясь сквозь землю.

Вскоре воцаряется тьма. Остаётся лишь разведённый Отцом Дружин костёр.

Один подходит к дубу, закидывает ременную петлю на нижнюю ветвь, захлестывает свободный конец вокруг левого запястья. Ловко подтягивается, повисает, держа Гунгнир в правой руке. Бросает последний взгляд на весело пляшущее пламя, выдыхает – и сильным, спокойным движением вгоняет копьё себе в грудь по самую крестовину.

(Комментарий Хедина: вот в этом, именно в этом, наши [и, полагаю, другие Поколения Истинных Магов] и уступали Древним Богам. Мы были сходны с ними готовностью ради знания пройти по самому краю смертной бездны, но именно по краю. Не знаю никого из Истинных Магов, кто сам, добровольно, обрёл бы себя на ритуальное мучительство. В злые годы моего изгнания, оставшись без власти над огнём, мне пришлось и поголодать, и помёрзнуть, однако чтоб вот так, вонзить себе копьё в грудь... Многим из Истинных Магов была доступна магия крови, однако её пускали себе аккуратно, с ловкостью бывалого цирюльника. Не могу не думать о том, какая-же всё-таки страшная и необоримая сила в лице Молодых Богов надвинулась тогда на мир, что, при всём самопожертвовании Древних, они пали в столь неисчислимых множествах.)

II

*Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймёшь:
злые поступки
злыми зови,
мсти за злое немедля.*

Над голой равниной несутся тучи – несутся, как безумные, словно подхлестываемые незримыми бичами неведомых погонщиков. Под ветром качается, громко и словно бы возмущённо шелестя листвой, могучий вековой дуб.

Именно дуб, не ясень, как, наверное, счёл бы иной смертный колдун. Великий Иггд-расиль, древо, что незримо несёт на себе тяжесть Асгарда – это именно ясень. Так небось ясень и следует искать, взыскивая мудрости столь ужасным путём? – подумал бы чародей и жестоко бы ошибся.

Не всякое зеркало отражает так, как оно предстаёт неискущённому взору. Именно здесь, на заповедных и безжизненных равнинах, где нет ничего, кроме тени великого Иггд-расиля, Отцу Богов предстоит получить ответы.

Изменённый магическим стеклом, ясень предстаёт здесь дубом, открывая священный смысл и связь символов – пока стоит Мировое Древо, жить будет и мир.

Боль неподвластна богам – великий инструмент, изначально вплавленный в самое сердце бытия. Боль предупреждает нас об опасности, она – поводырь в неведомом мире всех тех хищников, что всегда рады полакомиться плотью смертных и бессмертных. Духи болезней, например, являющиеся к людям лихоманкой или чумой...

Боль эту не избыть даже богу. Наделённый плотью, он знает, как обернуть к вящей пользе Асгарда даже её слабости и недостатки.

Вздулись жилы на висках, чело покрыто потом. На груди вокруг вонзённого копья запеклась кровь, бурые потёки засохли на древке Гунгнира. Один висит в ременной петле, пронзённый жестокой сталью: копьё не в силах отнять жизнь у собственного хозяина, но причинить ему почти невыносимые муки – вполне. И самое тяжкое, самое сложное – это заставить себя видеть сквозь боль.

Непростое дело. Кровавый туман застилает взоры, плоть надрывается криком – жертва действенна, лишь когда в ней всё – по-настоящему, и кровь, и страдания, и страх пред ними.

Один висит. Ни еды, ни питья. Днём его немилосердно обжигает солнце, а ночью – пробирает жестокая зимняя стужа. От глубоко ушедшего в грудь наконечника расходятся испепеляющие волны. Боль втягивается в голову, словно караван на торжище – медленно, неспешно, но неуклонно.

Отец Богов заставляет себя видеть руны гримтурсенов. Как они есть, изменённые, нарочно искажённые. Зачем? Ведь на рунах держится великая потаённая магия этого мира, связь меж зримым и незримым, навек уловленная, словно сетями, изначально затвержёнными очертаниями. Зачем же ётуны так рискуют? Почему изменили раз затвержённое – да ещё и сделали так, чтобы он, Один, отец богов и вождь дружин Асгарда, владыка Хьёрварда, – узнал бы об этом? – ибо в том, что Лаувейя говорила не по собственной воле, Старый Хрофт не сомневался.

...Боль – словно вражье войско, подступившее к самой цитадели. Волосяной мост протянулся над бездонной, пышущей пламенем пропастью. Дорога к откровению, к заветному знанию – а по обе стороны туман забвения и соблазн по слабости прервать обряд.

Отец Богов сам шепчет про себя руну за руной, проговаривая слоги как можно чётче, заставляя двигаться непослушные язык и губы. Он – бог, владыка Асгарда, породивший других асов – а зависит от плоти, словно последний смертный. И да, гибель его тела будет означать смерть и его божественной сущности, накрепко привязанной к тварному бытию.

Пустые равнины исчезают, кажется, что нет ничего, кроме лишь захлёстнутой вокруг запястья петли да вонзённого в грудь остря. Безжизненные пространства вокруг, словно никогда и не случилось огненного мига творения. Взор Отца Дружин проникает всё глубже, стены серого тумана расходятся, и он, повиснув на самом краешке сознания, вдруг *видит* – наверное, так же, как видела своё и великая вельва.

За туманами и мглой медленно поднимаются семь исполинских фигур, настоящие великаны, куда там заносчивым гримтурсенам! Этим по колено окажутся самые глубокие моря, они достанут Ёрмунганда⁵ двумя пальцами и насадят на крючок, словно ничтожного червя.

Семеро. Четверо мужчин и три женщины. Мужчины в коротких туниках, открывающих правое плечо, женщины, напротив, в ниспадающих до пят одеяниях самого чистейшего белого цвета, какой только доводилось видеть Отцу Дружин – куда там горным снегам!

Старый Хрофт пытается взглянуть пристальнее, различить лица – бесполезно, он почти слепнет, словно глядя в упор на яркий, невыносимо яркий огонь.

За спинами семёрки встаёт жутковато-алое огромное солнце, слепит взор, и там, в дальней дали, смутно угадываются очертания ещё двух фигур, недвижимых, словно изваяния – расправившего крылья орла и свернувшегося кольцами дракона. Деталей уже не различить, даже всматриваться в эту пару невыносимо, и Старый Хрофт переводит взгляд на хорошо различимых уже семерых.

Да, идут. Грядут в силах тяжких – потому что за ними смутно угадываются очертания словно бы муравьиных скопищ: это маршируют воины, бесчисленные, подобно песчинкам на морском берегу или снежинкам во вьюге.

Кто они? Что им нужно? Какие силы открыли это видение его взору? – Отец Дружин не знал. Но точно ведал одно – идущие сюда идут со злом, и тут не оставалось никакого сомнения.

Со злом самым что ни на есть определённым, таким же, что несли гримтурсены, раз за разом нападая на Асгард, или Дальние, направляя своих слуг в пределы людских владений. Они шли с войной, и никто не мог знать, почему или отчего.

Впрочем, никому этого и не требовалось. Когда-то давно Старый Хрофт пытался говорить с вожаками инеистых великанов – лучшие воины тех погибали под ударами неотразимого Мьёлльнира, но место их тотчас занимали новые. Какой смысл в той бесконечной войне, которую они всё равно не смогут выиграть, а в роковой час Рагнаради все падут наравне – и боги, и великаны?

Ответом ему стало лишь холодное презрение. Ты можешь скакать по облакам на восьминогом жеребце, но никогда не поймёшь истинной храбрости, коя лишь и заключается в бросании вызова непобедимому врагу и неодолимой силе.

В этом нет глупости или слепоты, одно лишь неколебимое мужество, ответили владыке Асгарда туповатые, как он считал, великаны, хозяева мрачного Ётунхейма.

– Да будет так, – гордо ответил им тогда Ас Воронов. – Сами вы, неразумные, наводите на себя беду. Бессчётно братьев ваших ляжет в ледяные могилы, а Асгард так и останется стоять, победоносный. Дети ваши проклянут вас.

– Дети наши благословят нас, – усмехнулись в ответ великаны. – Ибо получают от нас поистине великую цель.

⁵ Мировая Змея, обвивающая, согласно «Эдде», весь Митгард – Срединный мир, обиталище людей и других смертных.

– Глупцы, – пробормотал тогда Óдин, отворачиваясь. Больше говорить тут было не о чем.

...И всё случилось по слову Отца Богов. Раз за разом атаковали grimтурсены, посылая в сражение лучших своих бойцов, и раз за разом откатывались, ибо равного Мьёлльниру или Гунгниру у них так и не нашлось. Рыжебородый Тор не знал поражений, но великаны не унимались.

Старый Хрофт больше не говорил с ними. Вплоть до недавних дней, когда на льду появились загадочные, странно изменённые руны.

А теперь он висит на захлестнутой вокруг запястья петле, и молча смотрит на приближающуюся семёрку. Не их ли предсказали чародейства grimтурсенов, не о них ли твердила Лаувейя?

Очень просто. Слишком просто. Руны – боль – прозрение – угроза. Но мир вообще прост, приходит мысль. Есть мы, боги Асгарда, есть ваны, есть гномы, есть светлые эльфы, есть другие. И есть инеистые великаны, враги всем нам просто потому, что они враги. Они так решили. И нету здесь ничего сложного, как не кроется ничего потайного в пророчестве вёльвы – оно чётко, недвусмысленно и его никак по-другому, чем сказано в нём самом, не истолкуешь. Мир обречён, обречены и боги, но останутся их дети, выживут и те, кто не запятнан клятвопреступлениями – а он, Отец Богов, увы, тут чистотой похвастаться не может. Ибо да, он, именно он первым метнул копьё в ванов, когда счёл их угрозой Асгарду, ещё более страшной, чем даже grimтурсены или огненные великаны, подданные безжалостного Сурта, повелителя Муспелльхейма.

Что ж, за содеянное он ответит полной мерой. Однако захватить с собой чудовищного волка, способного в час полной силы своей пожирать саму плоть Хьёрварда – значит исполнить свой долг перед миром раз и навсегда. Передать сущее детям, что лучше, чище, честнее его самого.

Семеро идут, за их спинами всё ярче и ярче разгорается багровое зарево. Идёт война, идёт враг. Что ж, Асгард не склонял голову никогда и ни перед кем – не склонит и на этот раз, откуда б ни взялись эти гиганты. Если... если, конечно, это не создания боевой магии тех же grimтурсенов. А вот этого видение, увы, не открывает.

И мысль эта так обжигает Отца Богов, что ременная петля, удерживавшая его от падения, вспыхивает ярким пламенем, Старый Хрофт валится наземь, а рядом с ним – окровавленный Гунгнир.

(Комментарий Хедина: Старый Хрофт никогда не рассказывал ни о чём подобном. Предания говорили о «принесении самого себя себе в жертву» и «висении на священном ясене», но тогда, много-много веков назад, я полагал это всего лишь фигурами речи, обычными для скальдов преувеличениями. «Жертвоприношение», считал я, есть лишь красивое слово для транса и сверхчувственного восприятия – к этому прибегали мы все в бытность учениками. Мы не шагнули в ту бездну, куда Отец Дружин ринулся очертя голову и, судя по всему, колеблясь лишь самую малость. Вот этому я... пожалуй, даже завидую.)

* * *

Никто не дерзает взглянуть даже в лицо Старшему асу, не говоря уж о том, чтобы встретить пылающий взор его единственного глаза. Даже Фригг, даже она не осмелилась хотя бы утереть мужу кровь. Даже неукротимый Тор что-то виновато бормочет в рыжую бороду, опуская голову.

Хромая, Отец Богов идёт через Валгаллу; пирующие герои приветствуют его громким кличем. Но Старый Хрофт не поворачивает головы; тяжело ударяет в красный гранит пола

тупой конец Гунгнира, и звук этот разносится словно стук молота, заколачивающего крышку гроба.

Крики эйнхериев смолкают. Один за другим, сотня за сотней встают они, в молчании поднимая рога с хмельным мёдом – но никто не рискнёт омочить губ.

Идёт их раненый бог, идёт собравший их в Валгалле, и грудь его испятнана кровью. Для них это значит лишь одно – Последняя Битва близка, как никогда.

Следом входят в великую залу и остальные асы. Фригг с Идун, Фрейя с Сиф, Бальдр с Тюрором, Видар с Хеймдаллем – и прочие. С ужасом взирают они на окровавленную грудь Отца Богов, но никто не решается задать вопроса, даже сама супруга.

Но что такое? Чьи шаги вдруг раздаются в наступившей тишине? Отчего донеслось хлопанье птичьих крыл, кто тот ворон, что осмелился каркнуть, возвещая появление – кого?

Двенадцать фигур в высоких островерхих шлемах с крыльями по бокам, в посеребрённых кольчугах. Двенадцать чёрных, чернее ночи, вранов рядом с ними. В тугие длинные косы заплетены солнечно-светлые волосы. Сверкают ярче начищенного золота наконечники копий, они светятся словно бы сами по себе.

– Мы готовы, Отец. Приказывай.

Рёгилейв и Хильд, Хьёрфьетур и Хлекк, Гель и Гейр. Скульд и Скёгуль, Гунн и Мист, Сигрюн и Рандгрид.

Их двенадцать, только двенадцать, потому что тринадцатая, Сигдрива, избрала совсем иную участь.

– Веди нас, Отец! – восклицает самая юная, Рандгрид, Разбивающая Щиты. – Веди, не устоит никто! Ведь и в день Рагнаради мы тоже победим, хоть и падём!

Ответом ей служит дружный и ликующий рёв эйнхериев. Они согласны. Вечность ожидания – и потом последняя битва, битва с врагом, не имеющим себе равных.

Но Старый Хрофт молчит, голова его опустилась на грудь. Тревожно встопорщили перья оба ворона, да тоскливо и еле слышно поскуливают волки.

Одиннадцать валькирий с немым осуждением глядят на единокровную сестрицу. Но Рандгрид и не думает смущаться; потрясая копьём, воительница гордо вскидывает подбородок, ища взгляд отца.

– Асгард не уступал никому и никогда!..

Это не так. Когда-то давно, «в дни юности мира», асы проигрывали войну ванам. И уступили, признав неудачу, хотя и объединив оба племени Богов Хьёрварда. Объединив, а не восторжествовав.

Но для юной Рандгрид это всё равно – «не уступали никому и никогда». Ведь её собственный родитель, Отец Дружин, владыка Асгарда, так и остался верховным хозяином Большого Хьёрварда, а это значит – победа!

Седая борода Одина дрогнула, омрачённое чело поднялось, взгляд чуть потеплел, упав на младшую дочь. Застывшая в стороне Фригг досадливо-ревниво поджала губы.

– Ты смела и отважна, Рандгрид, но одной смелости и отваги тут не достанет, – разносится под сводами Валгаллы низкий и грозный глас Отца Богов.

Асы замерли, даже неугомонный Локи глядит серьёзно, чуть ли не с испугом. Но Старый Хрофт умолкает, вновь погружаясь в думу.

Юная Рандгрид разочарованно косится на неодобительно насупившихся сестёр.

Наконец Один со вздохом поднимается, правая ладонь накрывает запёкшуюся рану – с одежды так и не смыта кровь.

– Что видел я, асы, – того не изрекала нам вёльва. Семеро наделённых силой нисходят на наш мир, и идут они со злом. Не открыты мне их имена, прозвания их отцов с матерями или цели; ведаю лишь одно, что грядёт зло. Такое же, как и Сурт со своими воителями Муспелльхейма.

Отец Дружин не упоминает ни Волка, ни Змею, ни Хель. Растерянный, застыл злой хитрец Локи, уронив руки. Ибо идёт новый враг и кто знает, случится ли теперь предсказанное?

Да, Локи *знает*. Знают и боги, они все вместе слушали прорицание. Но асы справедливы. Бог огня ещё не совершил ничего, следовательно, не может быть наказан или изгнан. Закон нельзя отменить даже волей хозяина Валгаллы – за небывшее не карают.

Наконец не выдерживает простодушный Тор. Рыжебородому неведом страх, он, как никто, верит в себя и своё оружие.

– Приказывай, отец, – он опускается на одно колено. – Твоя воля да возглавит нас.

Один за другим преклоняют колено и другие асы, к ним присоединяются асиньи с эйнхериями, все двенадцать валькирий. Стоять остаётся одна лишь Фригг.

Приказывай... да, так они привыкли. Должно произнестись слово, и исходить оно может лишь из уст Отца Богов.

...но что делать, коли он сам не понимает грядущего? И даже залог Мимира не поможет.

Долго молчит бог Óдин, владыка Асгарда, носитель не знающего промаха копья, познавший руны, принёсший сам себя себе в жертву. И наконец, уста его размыкаются.

– Злом злое зови, мсти за злое немедля, – оглашается его словом Валгалла. – Но зло ещё не свершено. Что видел я – о том скажу. На тинге приговорим мы, асы, как следует нам поступить.

И он говорит. Описывает увиденное во всех деталях, какие только способен вспомнить. Бледнеет, кусая губы, Фригг, не отрывая взгляда от окровавленного бока Отца Богов.

– Видел грядущую силу, подступающую со злом к нам, асам. Далёко ли она, близко ли – не ведомо; знаю лишь, что она грядёт. Быть войне и быть битве; а чем окончится она, того мне не открыто.

Вздых облегчения проносится по толпе эйнхериев, ухмыляясь, переглядываются меж собой валькирии – им ли, Девам Битвы, бояться какого-то сражения? Оживляется, вскидывая Мьёлльнир, и рыжебородый бог грома. Его вести радуют.

– И всего-то, Отец? – гремит под выложенной золочёными щитами крышей его могучий бас. – Быть может, это сокрыто безднами времени, как Рагнаради. Быть может, оно не свершится вовсе. Почему же тогда чело твоё столь мрачно? Мы ведали о предсказании вэльвы и всё равно пировали и радовались.

Тор, Тор, рыжебородый мой старший сын. Неустрашимый и неудержимый в бою, ты привык сражаться с гримтурсенами, и не объяснить тебе, что увиденное своими глазами – отнюдь не равно пророчеству вэльвы.

Память оказалась выносливее, надёжнее глаз. Там, где их туманили боль и страдания, память цепко подхватывала всё замеченное ими, заботливо, словно хорошая хозяйка, откладывая на потом, когда пригодится.

За бесчисленными ратями, за семью шествующими гигантами, но перед почти скрытыми мглою, смутными и неясными очертаниями исполинских Дракона с Орлом – воздвигались странные цепи зелёных, словно из тёмного смарагда, гор, исполинские кристаллы, наподобие тех, коими украшают свои жилища подземные гномы. И в них тоже ощущалась угроза – но совсем другая, нежели от шествующей семёрки. Скрытая, неясная и, похоже, наступающая ещё не завтра.

Дальние, конечно же. Но уже не те, что знакомы асам по битвам Южного Хьёрварда. Сюда двигались те – или то, – что составляли главные силы «племени смарагда», как порой именовали их скальды Валгаллы.

А вот на самом горизонте, рядом с пугающими громадами двух чудовищ, Орла и Дракона, медленно проступала сквозь серую хмарь третья фигура, на сей раз – человеческая,

но тоже исполинского роста, в сияющей солнечной короне, испускающей мириады лучей, что острее самых острых стрел.

Больше память не сохранила ничего, Гунгниру потребовалось бы погрузиться ещё глубже, и выдержала бы то даже плоть Отца Дружин – не сказал бы и он сам.

(Комментарий Хедина: так впервые предстали перед Древними Богами Боги Молодые. Тогда их ещё было семеро, семеро главнейших. Ялини ещё не числят среди них, она не в первой шеренге и пока что скромно ступает плечо к плечу с братьями и сёстрами; ничто не предрекает их разлада. Однако этого я ожидал. Куда интереснее – явление на горизонте Орла и Дракона – то есть Демогоргона и Орлангура. Значило ли это, что в ту пору Столпы Третьей Силы выступали на стороне Ямерта и его присных? Или гадание просто открыло Старому Хрофту все перемены, надвигающиеся на его мир? Нигде и никогда не слышал я, чтобы Дух Познания, к примеру, открыто вставал бы на одну сторону. Он мог советовать, да и то не напрямую, а посылая аватары. Что хотел сказать этим Отец Дружин? Что он таки подозревает «восьмизрачкового» в нечестной игре? Хотя нет, для Старого Хрофта это никогда не называлось «игрой».)

III

*Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймёшь:
дурным никогда
доволен не будь,
дорожи только добрым.*

(Комментарий Хедина: написано на бересте, торопливо и сбивчиво, местами почти неразборчиво. Верно, Отец Дружин очень спешил выплеснуть всё наболевшее, отсюда и несколько непривычный для него стиль. Однако ощущение наступающей и притом неотвратимой угрозы... тут я его понимаю.)

Рана в груди саднила, горела, тянула и ныла – всё вместе. Не шевелясь, Отец Богов застыл на троне, кулаки сжаты, взгляд исподлобья устремлён в темноту. Высоко, высоко над туманами мира основан Асгард, радужный мост Бифрёт ведёт вниз, к равнинам Хьёрварда, крепость кажется неприступной – чего никак не могут уразуметь храбрые, но глуповатые grimтурсены.

Старый Хрофт вглядывается в темноту. Валгалла пуста и молчалива, эйнхерии покинули пиршественный покой, а на душе у Аса Вранов так же темно, как в углах его собственного зала.

Кто знает, насколько истинно его видение? И потом, оно не явило ему ничего, хоть как-то связанного с рунами великанов. Угроза – да. Те семеро... страшные враги. Но изменённые, изломанные руны, нарушающие все и всяческие каноны – стоит ли теперь беспокоиться ещё и о них?

Шаги за спиной, потрескивание пламени. Локи делает так всегда, когда хочет предупредить о собственном появлении. Локи в своей почтительной инкарнации, думающий об Асгарде, как о собственном доме. Локи, верный делу богов, хотя по крови он не ас и не ван.

Шорох плаща. Кажется, сын Лаувейи опустился на одно колено. Зачем, для чего?...

– Встань, Локи. Поза твоя не делает чести твоему хитроумию.

– Встать нетрудно, – пожал плечами бог огня. – Куда труднее измыслить достойный план.

– Ты всегда был силён в этом, Локи. Достаточно вспомнить молот Тора.

– Это когда мы нарядили его невестой? – хихикнул неугомонный сын Лаувейи и сам тотчас же осёкся. – Ас воронов, прошу дозволения отправиться в Йотунхейм, – название получилось у него не так, как у остальных обитателей Асгарда.

Один тяжело усмехнулся, не пошевелившись.

– Не ты ли изрёк на совете асов, что мать твоя не станет говорить даже с тобой?

– Я, – не стал запираться бог огня. – Но сейчас, выслушав твои слова, могучий Один... я надеюсь, что смогу уговорить её. Или не её, кого-то другого. В конце концов, grimтурсены знают, что я... не первенствую на поле брани, скажем так.

И это тоже было правдой. Локи дерзок и смел, однако в открытый бой с собственными сородичами старается не вступать.

– Тебе, наверное, нужно волшебное оперенье Фрейи?

Локи молча кивнул.

– Отчего не попросишь её сам?

– Она до сих пор в обиде на меня, что я предложил выдать её за йотуна – всё тот же случай пропавшего Мьёлльнира.

– Я скажу ей, – кивнул Отец Богов. – Чего хочешь для себя, хитроумный?

– Ничего, – попятился Локи. – Ничего, Ас воронов. Если верны видение и знамения, если окажется, что...

– Что должно оказаться? Что это не Рагнаради? – мрачно изрёк Старый Хрофт. – В той битве нам предсказаны всеобщая гибель и конец мира. Здесь же никаких пророчеств не прозвучало. Я видел надвигающегося врага, о чём поведал всем. Мы можем победить, разве не так?

– Ты не веришь в это сам, владыка Асгарда.

– Будь проклята твоя проницательность, Локи.

– Могу ли я спросить, почему?

– Почему я не верю в победу? – слова давались небывало тяжко.

– Да, – бог огня впервые взглянул Одину в полные гневной тревоги глаза. – Ты не веришь в неё, Игг. Хотя при Рагнаради... конечная победа... – он запнулся, отводя взгляд. – Конечная победа достанется асам.

Он не сказал «нам», подумалось Одину.

– Почему же мы не сможем взять верх в этой битве?

– Сделаем всё, чтобы смочь, – ушёл от ответа Отец Дружин. – Фрейя узнает о моём желании. Лети в Ётунхейм, Локи. Надеюсь, ты принесёшь оттуда хорошие вести.

Бог огня криво усмехнулся. Последняя фраза была пустой, совсем пустой и вовсе несвойственной Отцу Дружин.

– Надеюсь, – ответил Локи такой же пустотой.

Ушёл... Старый Хрофт дослушал затихающие шаги того, кто породил его, Одина, убийцу. И убийцу его, Одина, старшего сына. Но справедливость, как понял Старый Хрофт дорогой ценой, – превыше богов и их воли.

Фрейя, конечно, согласится. Едва ли Локи что-то удастся, но – пусть... А ему, Отцу Дружин, пора оправдать это своё прозвание. Если что-то и может изменить грядущее – так это вставшие под знамёна Асгарда рати, со всех концов Большого Хьёрварда и сопредельных земель, куда открыт путь самому Одину и его детям.

Молот и копьё, копьё и молот. И тогда любой силе придётся поломать зубы о стены Асгарда!

* * *

Фрейя, конечно же, не отказала Отцу Богов. Набросив волшебное оперение, Локи взмыл над блистающей золотом крышей Валгаллы; собравшиеся асы проводили его долгим молчанием.

Они разошлись наконец – вернувшись к обычным делам, ибо мир Большого Хьёрварда никуда не делся, и никуда не делось повседневное, чем обязаны заниматься боги; справедливость – их ремесло. Во всяком случае, в нынешние годы.

Старый Хрофт остался. Это нелепо и глупо – быть всегда *старым*, никогда не знать ни молодости, ни даже зрелости; седая борода и изрезанный морщинами лоб – таким он помнил себя всегда.

Словно его уже *сотворили* таким. Старшим. Всеотцом. Пришедшим, чтобы дать другим дар детства и молодости, того, чего был лишён он сам.

Боль не лжёт. Вонзённый в собственную грудь Гунгнир не лжёт так же. Сталь проста и честна, корми её кровью, и она никогда не изменит тебе. Явленное ему... истинно, как бы ни хотелось ему обмануть самого себя. Значит, битва недалеко. И потому, несмотря на отправившегося в Ётунхейм Локи, надо собирать войско.

В решающий миг молчаливый Хеймдалль, сын девяти матерей, затрубит в золотой рог, распахнутся все врата Валгаллы, и эйнхерии с кличем, что сотрясёт небеса, выйдут на свою поистине последнюю битву. Выйдут, чтобы победить со славой, несмотря на собственную вторую смерть.

Но что смерть, если их дело победит?

Сражение, что открылось в видении Старому Хрофту, обещало стать совсем иным. Эйнхерии всё так же покинут зал золотых щитов, в громе доспехов и яростном сиянии; однако рассчитывать лишь на них нельзя.

Семь волшебных царств доступны богам Хьёрварда, первым, явившимся в новорожденный миг, едва сбросивший огненные тенета творения. Скальды порой зовут Хьёрвард Митгардом, Срединным миром, но неверно это, ибо есть кроме него и другие земли, населённые людьми, хоть и не соединённые обычными морями, что могут преодолеть обычные корабли.

Первое царство – царство богов, пели скальды. Высоко пролегли их пути, по равнинам Иды, где стоит сам Асгард. Второе – Митгард, царство людей, хотя живут там, помимо них, и иные существа. Третье – Муспелль, владения огненных великанов и их правителя Сурта; именно его мечу суждено сжечь Мировое Древо, что и послужит причиной всеобщего конца. Четвёртое – Свартальфахейм, дом «чёрных эльфов», то есть гномов; последних этот наглый, как они считали, намёк на родство с эльфами неизменно повергал в достойную истинного берсеркера ярость.

Пятое царство – Лёсальфахейм, дом «истинных эльфов», высоких и прекрасных. Впрочем, там хватает и других эльфов – вплоть до малышей со стрекозиными крылышками, что заботятся о цветах.

Шестое – Ётунхейм, простирающееся – в сагах – на бессчётные лиги, куда обширнее и просторнее мира людей, да и богаче; но его сокровища скрыты под неприступной толщей снега и льда.

И седьмое, последнее – мрачные залы Хель.

Конечно, скальды правы не во всём. Но семь – священное число, число богов; недаром же и врагов является именно семёрка.

И встать у них на дороге должны воины из всех семи волшебных царств.

Встанут асы и ваны, помчатся валькирии, ведя в бой полки эйнхериев; Асгард опустеет в день битвы.

Откликнутся на зов Отца Дружин люди, почитающие его и возводящие в его честь святилища.

Не откажут в помощи своенравные гномы Свартальфахейма, придут делить кровавую жатву эльфы Лёсальфахейма, хотя, наверное, не все и не сразу, и правители их, хоть и без желания, но не станут удерживать добровольцев.

Но что делать с оставшимися тремя? Едва ли в Ётунхейме найдётся хоть один гримтурсен, готовый сражаться в одном строю с ненавистными асами! Не говоря уж о Муспеле или владениях Хель.

Полно, Хрофт, сказал он себе. Семь – магическое число, всё верно, но с чего ты решил, что встать рядом с тобой должны воины из всех царств? Те же огненные великаны почти наверняка окажутся в одном стане с твоими врагами!

А если и так, кого способна послать Хель? Рати мертвецов? Споры нет, они сильны, но, чтобы вызвать их оттуда, нужно почти что опрокинуть всё мироздание. Из Хель выхода нет, попавшим туда предстоит мучиться до скончания времён, до самого Рагнаради – как обойти этот закон?

Отец Богов нахмурился, скулы закаменели. Семь царств, семь воинств, вставших на защиту Митгарда и остальных областей... но, если и так, какими словами убедить свирепого

Сурта, про которого говорят, что он «живёт ради дня Рагнаради», не желая верить в истинность пророчества? Как объяснить?

Или всё это лишь лукавые ухмылки всемогущего рока, того самого, что взвесил деяния асов и вынес им приговор, изречённый устами вельвы? Быть может, его, Одина, хотят сбить с толку, заставить метаться, сколачивать нелепые и немыслимые союзы, в то время как надо полагаться на старых и верных друзей, тех, кто не изменит даже в день Последней Битвы?

Вывести богов и героев, людей и гномов, эльфов и других, кто захочет сражаться. И пусть всё решит битва! Сталь и то, что именуется «божественной силой». Чего бояться ему, Отцу Дружин? Неведомого могущества пришельцев? Боящийся бог уже не бог. Ему нечего делать на высоком престоле, в зале, крытом золотыми щитами, под ветвями великого ясеня.

Сомнения и колебания – худший враг готовящегося к битве. Даже не самый замечательный план лучше метаний из крайности в крайность, нерешительности и отсутствия твёрдости воли.

Стой на своём, Ас воронов. Шли годы, десятилетия складывались в века, те – в тысячелетия, а стены Асгарда высились непоколебимо.

Так отчего ж сейчас сердце твоё ослабело? Почему тебя гложут сомнения, отчего ты забыл всегдашнюю решительность? Неведомая опасность? Но когда «воины смарагда» впервые явились в Южный Хьёрвард, ты не колебался. Яростный клич Гунгнира слышался далеко окрест, асы одолевали врагов, а добивали их уже потом другие божества и божки, меньшие рангом.

Ночь настанет над равнинами Иды, отходит ко сну Асгард. Где-то в беспредельности, в областях, неведомых и неподвластных Древним Богам, шествуют семеро существ, иных, непонятных обитателям Хьёрварда и других земель. Семеро сил, семеро богов? – кто знает... Но великаны первыми почувствовали угрозу и затеяли свою диковинную рунную игру.

Память Отца Богов не ведает провалов. На поверхности пиршественного стола, прямо на толстых досках острие кинжала чертит руны за руной, со всеми странными добавками, что измыслили гримтурсены.

О́дaл и Ё́г, Thurs и Hagall, Yew и Tug... Изменённые, да, но основа – вот она, узнаваема. Главна ли она? Или странные добавления?

Старый Хрофт чертит рядом первичные, неизменённые руны, осторожно шепча про себя наговоры, словно простой деревенский рунознатец, способный вызвать дождь или прекратить непогоду. С рунами нельзя шутить, особенно – нельзя изменять.

А теперь то, что гримтурсены добавили в них.

Косая черта. Трёхрогая корона. Косой крест. Направленный влево остроугольник.

О́дин вычерчивает их в строгом порядке, так, как сам увидел их с высоты.

Шесть руниров-знаков и знак пустой, первичной руны, начала и конца.

Всего семь.

Вновь семёрка, и тут их семеро!

О́дин молча глядит на вырезанное.

Семеро пришельцев. Семеро изначальных рун. И семь знаков, добавленных великанами к исходным очертаниям.

– По-моему, всё совпадает, – тихо проговорил Локи.

Бог огня обладал поразительным умением возникать прямо из темноты.

– Спасибо тебе, Ас воронов, что по твоему слову Фрейя поделилась своим оперением.

– Ты быстро вернулся, бог огня. Легка ли выдалась дорога?

Локи усмехнулся, сбросил плащ, открывая узорчатый пояс, расшитый светящимися нитями. Верная Сигюн, жена бога огня, всегда отличалась умением украсить одеяние мужа. На поясе – грубый кинжал чёрного ноздреватого железа. Такие делают не для боя, для колдовских надобностей.

– Дорога выдалась легка, благодарю хозяина. А вернулся я и впрямь быстро. Йотун-хейм нынче не столь гостеприимен для жителей Асгарда, должен признать.

– Когда он был гостеприимен? – буркнул Óдин. – Но довольно слов, Локи. Ты пришёл сюда, значит, искал разговора. Говори.

– Моя мать, – лицо бога огня ничего не выражало, – как я и предупреждал, не пустила меня на порог. Впрочем, ничего иного я и не ожидал и, само собой, явился готовый к подобному. Отец Богов ведаёт – нет ничего проще, чем выведать всё у девы, чьё сердце томимо желанием...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.